Именем
Российской Федерации

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности части первой статьи 60^{8} Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, статей 133, 147, 149, 153 и 315 Трудового кодекса Российской Федерации, а также статьи 1 Закона Российской Федерации «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» в связи с жалобами граждан Жилкина Дмитрия Павловича и Лузинова Дениса Марковича

город Санкт-Петербург 24 ноября 2026 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, К.Б.Калиновского, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, А.В.Коновалова, В.В.Коробченко, М.Б.Лобова, В.А.Сивицкого, Е.В.Тарибо,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47^{1}, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части первой статьи 60^{8} УИК Российской Федерации, статей 133, 147, 149, 153 и 315 Трудового кодекса Российской Федерации, а также статьи 1 Закона Российской Федерации «О государственных гарантиях

и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях».

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан Д.П.Жилкина и Д.М.Лузинова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителями нормы.

Поскольку обе жалобы касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», соединил дела по ним в одном производстве.

Заслушав сообщение судьи-докладчика М.Б.Лобова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Граждане Д.П.Жилкин и Д.М.Лузинов просят признать не соответствующей Конституции Российской Федерации часть первую статьи 60^8 УИК Российской Федерации, согласно которой осужденные к принудительным работам привлекаются к труду в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации, за исключением правил приема на работу, увольнения с работы, перевода на другую работу, отказа от выполнения работы, предоставления отпусков. Они также ставят под сомнение конституционность статьи 133 Трудового кодекса Российской Федерации, закрепляющей, что минимальный размер оплаты труда (далее также – МРОТ) устанавливается на всей территории России федеральным законом и не может быть ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения, он обеспечивается работодателями в зависимости от источников их финансирования; месячная заработная плата работника, полностью отработавшего за этот период норму рабочего времени и выполнившего нормы труда (трудовые обязанности), не может быть ниже МРОТ.

Кроме того, Д.П.Жилкин оспаривает конституционность статьи 147 Трудового кодекса Российской Федерации, гарантирующей повышенную оплату труда работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, закрепляющей минимальный размер такого повышения, а также порядок установления его конкретных размеров, статьи 149 данного Кодекса, в силу которой при выполнении работ в условиях, отклоняющихся от нормальных, работнику производятся соответствующие выплаты, и статьи 153 данного Кодекса, закрепляющей правила оплаты труда в выходные и нерабочие праздничные дни. Д.М.Лузинов, в свою очередь, просит признать неконституционными статью 315 данного Кодекса, предусматривающую, что оплата труда в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях осуществляется с применением районных коэффициентов и процентных надбавок к заработной плате, а равно и статью 1 Закона Российской Федерации от 19 февраля 1993 года № 4520-I «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» (далее также – Закон Российской Федерации № 4520-I), определяющую круг лиц, на которых распространяется его действие, и включающую в этот круг лиц, работающих по найму постоянно или временно в организациях, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, независимо от форм собственности, и лиц, проживающих в указанных районах и местностях.

1.1. Д.М.Лузинов в 2014 году и Д.П.Жилкин в 2015 году признаны виновными в совершении преступлений и осуждены к лишению свободы. В 2019 и 2020 годах соответственно неотбытая часть наказания заменена принудительными работами, которые отбывались каждым из них более двух лет на изолированном участке, функционирующем как исправительный центр, при исправительной колонии № 3 в Новосибирской области. Оба заявителя были привлечены к труду подсобными рабочими в ООО «Бердский кирпичный завод» в Новосибирской области; Д.П.Жилкин

также работал столяром и подсобным рабочим по обслуживанию и ремонту зданий колонии.

После отбытия наказания заявители обратились в суд с исками к названной колонии, Главному управлению ФСИН России по Новосибирской области и ФСИН России о взыскании задолженностей по оплате труда в особых условиях и в условиях, отклоняющихся от нормальных, а также процентов за задержку соответствующих выплат. Они, в частности, указали, что привлекались к работе в выходные и нерабочие праздничные дни и к сверхурочной работе, на их заработную плату не начислялся и им не выплачивался установленный Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 мая 1995 года № 534 «О мерах по решению неотложных проблем стабилизации социально-экономического положения в Новосибирской области» районный коэффициент 1,2; кроме того, Д.П.Жилкин привлекался к работе в ночное время и к работе с вредными условиями труда. При этом с учетом установленных окладов им ежемесячно осуществлялась доплата до МРОТ.

Решениями Первомайского районного суда города Новосибирска от 24 октября и от 31 октября 2023 года, оставленными без изменения апелляционными определениями Новосибирского областного суда от 5 марта и от 19 марта 2024 года, в удовлетворении заявленных требований отказано. Суды посчитали, что труд заявителей оплачен по фактически отработанному времени в полном размере с осуществлением компенсационных выплат за сверхурочную работу, работу в ночное время, в нерабочие праздничные дни и за работу с вредными условиями труда. Оснований же для начисления оплаты за работу в таких условиях сверх заработной платы, равной МРОТ, по мнению судов, не имелось.

Суды исходили из существенной разницы между трудом на основании трудового договора и принудительными работами, применяемыми в качестве наказания и направленными на исправление лиц, осужденных по приговору суда. Положения Закона Российской Федерации № 4520-I и статей 315 и 316 Трудового кодекса Российской

Федерации не применяются, по мнению судов, к отношениям по отбыванию наказания, поскольку цель введенных этими нормами гарантий состоит в привлечении трудовых ресурсов в местности с неблагоприятными климатическими условиями, а также в компенсации за несение повышенных в таких местностях расходов и за негативное воздействие природных факторов. Лицо же, отбывающее наказание в виде принудительных работ, как посчитали суды, не является работником по смыслу трудового законодательства и место работы не выбирает. Суды сослались и на нормы уголовно-исполнительного закона о гарантиях материально-бытового обеспечения осужденных, указав, что правовое положение последних не предполагает несения ими дополнительных материальных затрат. Кроме того, учтены доводы представителя ответчика о том, что осужденные к принудительным работам на ставках бюджетного финансирования не состоят; оплата их труда осуществляется за счет средств организаций, привлекающих их к труду вне исправительного центра; финансирование на выплату им районного коэффициента главным распорядителем средств федерального бюджета (ФСИН России) не осуществлялось.

С приведенными выводами согласились суды вышестоящих инстанций (определения Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 20 августа 2024 года, судьи Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября и от 26 декабря 2024 года).

По мнению Д.П.Жилкина, оспариваемые нормы в их взаимосвязи не соответствуют статьям 19 и 37 (часть 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, они допускают включение оплаты работы с вредными и (или) опасными условиями труда в оплату труда осужденных к принудительным работам, размер которой не превышает МРОТ, и допускают оплату труда таких осужденных в выходные и нерабочие праздничные дни в меньшем размере, чем оплачивается их труд в рабочий день. Д.М.Лузинов

утверждает, что оспариваемые им нормы противоречат тем же конституционным предписаниям, поскольку допускают оплату труда осужденных к принудительным работам без применения районных коэффициентов и процентных надбавок за работу в организациях, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

1.2. В силу статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации, проверяя по жалобам граждан конституционность норм, примененных в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, принимает постановление, оценивая как буквальный смысл этих норм, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием, в том числе в решениях по конкретному делу, или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых предписаний.

Статья 133 Трудового кодекса Российской Федерации оспаривается заявителями в целом, тогда как в их делах применялись лишь ее части первая и третья, а в деле Д.П.Жилкина применялись лишь части первая и вторая статьи 147 и часть первая статьи 153 данного Кодекса. Потому производство по настоящему делу в том, что касается проверки конституционности части второй статьи 133, части третьей статьи 147 и частей второй – седьмой статьи 153 данного Кодекса, в силу пункта 2 части первой статьи 43 и части первой статьи 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» подлежит прекращению.

Кроме того, имеющимися материалами не подтверждается, что Д.П.Жилкин привлекался к работе в выходные дни, а его труд в нерабочие праздничные дни оплачивался вопреки части первой статьи 153 Трудового кодекса Российской Федерации в меньшем размере, чем в рабочие дни. Суды, указав, что оплата за каждый час его труда в таких условиях определялась путем удвоения часовой тарифной ставки, исчисленной из

МРОТ, сочли вопрос о правильности такой оплаты не имеющим значения, поскольку это не влияло на итоговый размер его заработной платы, не превышающий МРОТ, в который включалась данная компенсационная выплата.

Конституционность же статьи 315 Трудового кодекса Российской Федерации и статьи 1 Закона Российской Федерации № 4520-I подвергается Д.М.Лузиновым сомнению в связи с неприменением к заработной плате осужденного районных коэффициентов и процентных надбавок за работу в организациях, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Между тем материалы его дела не свидетельствуют, что судами решался вопрос о возможности начисления к его заработной плате процентной надбавки. Следовательно, указанные положения могут быть оценены лишь в аспекте применения к заработной плате заявителя районного коэффициента.

1.3. Части первая и третья статьи 133 Трудового кодекса Российской Федерации уже были предметом оценки Конституционного Суда Российской Федерации с точки зрения допустимости включения компенсационных выплат за работу в выходные и нерабочие праздничные дни, в иных условиях, отклоняющихся от нормальных, и за работу в особых условиях в состав заработной платы, не превышающей МРОТ. Названные нормы признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования и во взаимосвязи с иными положениями данного Кодекса они не предполагают включения в состав заработной платы работника, не превышающей МРОТ, коэффициентов и процентных надбавок, начисляемых в связи с работой в местностях с особыми климатическими условиями, в том числе в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, а также повышенной оплаты сверхурочной работы, работы в ночное время, выходные и нерабочие праздничные дни (постановления от 7 декабря 2017 года № 38-П и от 11 апреля 2019 года № 17-П).

Однако приведенные выводы, на которые ссылаются и заявители по настоящему делу, были сделаны применительно к отношениям, возникающим из трудового договора, основанного на свободном волеизъявлении его сторон; в настоящем же деле оспаривается конституционность норм закона применительно к труду осужденных. Принимая жалобы заявителей к рассмотрению, Конституционный Суд Российской Федерации усмотрел неопределенность в вопросе о конституционности (часть вторая статьи 36 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации») правил оплаты труда в особых условиях и в условиях, отклоняющихся от нормальных, если этот труд не основан на свободном волеизъявлении лица, но вытекает из его обязанности трудиться в силу назначенного ему уголовного наказания.

Тем самым Конституционный Суд Российской Федерации принимает во внимание, что положения статей 133, 147, 149, 153 и 315 Трудового кодекса Российской Федерации и статьи 1 Закона Российской Федерации № 4520-I оспариваются заявителями в контексте части первой статьи 60^8 УИК Российской Федерации, а потому и должны рассматриваться не автономно, а исключительно в нормативной связи с последней.

1.4. С учетом изложенного предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является часть первая статьи 60^8 УИК Российской Федерации в той мере, в какой она во взаимосвязи с частями первой и третьей статьи 133, частями первой и второй статьи 147, статьей 149, частью первой статьи 153 и статьей 315 Трудового кодекса Российской Федерации, а также статьей 1 Закона Российской Федерации № 4520-I является основанием для решения вопроса о предоставлении осужденным, отбывающим наказание в виде принудительных работ, повышенной оплаты труда – сверх МРОТ, установленного федеральным законом, – при работе в особых условиях (с вредными и опасными условиями труда, а также в местностях с особыми

климатическими условиями) и в условиях, отклоняющихся от нормальных (в частности, в выходные и нерабочие праздничные дни, в ночное время).

2. В соответствии со статьей 19 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации все равны перед законом и судом, государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина, запрещены любые формы ограничения прав по признаку социальной принадлежности. Согласно ее статье 37 (части 1–3) труд в России свободен, а принудительный труд запрещен; каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом МРОТ. Ограничения же прав и свобод, как следует из ее статьи 55 (часть 3), могут вводиться только федеральным законом и лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Одним из допустимых ограничений конституционных прав и свобод, установленных федеральным законом, является назначаемое по приговору суда наказание за преступления, которое может быть определено судом в виде принудительных работ (статья 43 и пункт «з[1]» статьи 44 УК Российской Федерации). Ограничения, вытекающие из назначения принудительных работ, последовательно расценивались Конституционным Судом Российской Федерации как направленные на исправление осужденных и не нарушающие их конституционные права (Постановление от 24 февраля 2022 года № 8-П; Определение от 27 января 2022 года № 139-О и др.). Не рассматривается вмененная осужденному обязанность трудиться и как привлечение к принудительному труду (абзац пятый части четвертой статьи 4 Трудового кодекса Российской Федерации).

Конституционно оправданные ограничения прав и свобод лиц, отбывающих наказание в виде принудительных работ, должны быть, подобно всем иным ограничениям свободы граждан, регламентированы

федеральным законодательством ясно, доступно и согласованно, с тем чтобы каждый гражданин был осведомлен как о своих правах, так и об их законных ограничениях и при возникновении в том потребности мог добиваться их защиты и восстановления (статья 45; статья 46, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации). Сказанное распространяется не только на условия и режим содержания осужденных по месту отбывания ими наказания, но и на условия их трудовой деятельности, включая правила оплаты их труда.

3. Уголовное наказание в виде принудительных работ назначается в определенных законом случаях и состоит в содержании осужденного в учреждении уголовно-исполнительной системы с привлечением его к труду в определяемых учреждением местах; из заработной платы осужденного к принудительным работам производятся удержания в доход государства в размере, установленном приговором суда, и в пределах от пяти до двадцати процентов (части первая – третья статьи 53^1 УК Российской Федерации). Отбывание осужденными принудительных работ регулируется уголовно-исполнительным законом, что предполагает иной порядок их привлечения к труду по сравнению с реализацией гражданами своих способностей к труду в трудовых отношениях, основанных на свободном волеизъявлении.

Согласно Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации на отбывающих принудительные работы осужденных не распространяются установленные трудовым законодательством правила приема на работу, увольнения с работы, перевода на другую работу, отказа от выполнения работы и предоставления отпусков (статья 60^8). Такой осужденный не вправе отказаться от предложенной ему работы и обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных центров (части первая – третья статьи 11, пункты «б», «г» части второй статьи 60^4, часть первая статьи 60^7 и часть первая статьи 60^9 данного Кодекса). Отказ осужденного от работы является злостным нарушением порядка и условий отбывания принудительных работ и влечет

замену неотбытой части наказания в виде принудительных работ более строгим наказанием в виде лишения свободы (пункт «е» части второй и часть пятая статьи 60^{15} данного Кодекса). Аналогичные правовые последствия может повлечь и уклонение в той или иной форме от отбывания осужденным принудительных работ (статья 60^{17} данного Кодекса).

Привлечение осужденных к труду на объектах организаций любых организационно-правовых форм, не входящих в уголовно-исполнительную систему, расположенных на территориях учреждений, исполняющих наказания, и вне их, осуществляется на основании договоров (контрактов), заключаемых с такими организациями руководством учреждений, исполняющих наказания, как это предусмотрено статьей 21 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 года № 5473-I «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации». Закон также предусматривает отличные от закрепленных в Трудовом кодексе Российской Федерации основания увольнения осужденного и его перевода на другую работу, а также иную продолжительность ежегодного оплачиваемого отпуска (части вторая и четвертая статьи 60^{8} и часть вторая статьи 60^{9} УИК Российской Федерации).

Исходя из указанной специфики привлечение осужденных к труду ранее рассматривалось Конституционным Судом Российской Федерации как организуемое в рамках уголовно-исполнительных, а не трудовых отношений (определения от 30 ноября 2021 года № 2631-О, от 27 января 2022 года № 139-О и др.). В то же время их труд является возмездным, а получаемые ими в качестве оплаты труда денежные средства именуются заработной платой (статья 60^{10} УИК Российской Федерации и пункт 2 статьи 21 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»). Более того, в силу прямого указания закона (часть первая статьи 60^{8} УИК Российской Федерации) трудовая деятельность осужденных к принудительным

работам регламентируется, за названными исключениями, трудовым законодательством.

Регулирование трудовой деятельности осужденных к принудительным работам имеет, таким образом, комплексный характер. Являясь, как указано выше, составной частью уголовно-исполнительных отношений вследствие отбывания ими уголовного наказания, их трудовая деятельность также регулируется нормами трудового законодательства, которые присутствуют среди прочего в правилах оплаты их труда.

4. Приведенное регулирование трудовой деятельности осужденных к принудительным работам согласуется с целями и задачами института принудительных работ в контексте совершенствования системы исполнения уголовных наказаний, а также с последовательной политикой государства по гуманизации уголовной юстиции в целом.

Изначальной целью введения принудительных работ в российском праве было расширение перечня альтернативных наказаний, не связанных с лишением свободы, за преступления небольшой и средней тяжести, а также за некоторые тяжкие преступления, совершенные впервые. При этом законодателем планировалось, что создание исправительных центров и содержание их администраций будет осуществляться за счет средств федерального бюджета, а оплата коммунально-бытовых услуг и содержание имущества – за счет доходов, полученных в результате удержаний из заработной платы осужденных (пояснительная записка к законопроекту № 559740-5, ставшему впоследствии Федеральным законом от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»). Дальнейшее расширение возможностей привлечения осужденных к труду также обосновывалось социально-экономическими причинами, такими как возмещение ущерба, причиненного в результате преступления, гражданам и государству, самостоятельное материальное содержание осужденным себя и своей семьи, создание резервных средств к его жизни после освобождения и

вытекающее отсюда благотворное влияние на профилактику совершения новых преступлений.

Необходимость решения указанных социально-экономических задач последовательно признавалась и Правительством Российской Федерации, которое декларировало стремление к снижению нагрузки на федеральный бюджет, связанной с содержанием уголовно-исполнительной системы, за счет поступлений в виде удержаний из заработной платы осужденных и налога на доходы физических лиц (пункты 1, 4 и 9 Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы)», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2016 года № 2808-р; разделы I, III и IV федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2035 годы)», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 апреля 2018 года № 420; разделы II–V и XII Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 года № 1138-р).

В последнее время возможности назначения наказания в виде принудительных работ значительно расширены Федеральным законом от 23 июля 2025 года № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 7^1 части первой статьи 299 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Результатом стало использование принудительных работ не только как альтернативы лишению свободы, но и в качестве самостоятельного наказания за широкий круг преступлений. Принятие этих мер обосновано превентивным воздействием данного вида наказания, осуществляемого без изоляции от общества и обеспечивающего низкий уровень повторной преступности по сравнению с иными видами наказаний. Отмечаются при этом и высокая мотивация осужденных к правопослушному поведению и добросовестному отношению к труду, низкий уровень распространения среди них криминальной субкультуры и

высокий компенсационный эффект для потерпевших от преступлений (пояснительная записка к законопроекту № 585548-8, ставшему впоследствии Федеральным законом от 23 июля 2025 года № 218-ФЗ).

Таким образом, уголовное наказание в виде принудительных работ преследует ряд конституционно значимых целей в области не только уголовного правосудия, но и социально-экономического развития. Оно сочетает в себе как карательный элемент, состоящий в ограничении свободы, в обязательном характере труда и удержании части заработанных осужденным средств в доход государства, так и воспитательное воздействие, направленное на исправление осужденного посредством общественно полезного труда. Привлечение осужденных к оплачиваемому труду не только служит возмещению расходов на содержание осужденных и нанесенного преступлением ущерба, но и способствует их материальной заинтересованности в собственном труде, стимулируя тем самым их правопослушное поведение и ресоциализацию.

В результате отбывание осужденным принудительных работ позволяет обеспечить восстановление социальной справедливости, исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений, понимаемое как сочетание общей и частной превенций. Вместе с тем введение законодателем данного вида наказания и поступательное расширение его использования способствуют гуманизации уголовного правосудия и восстановлению прав потерпевших от преступлений путем более эффективной компенсации нанесенного им ущерба, а также профилактике совершения новых преступлений путем социальной интеграции осужденных как в период исполнения ими наказания, так и после их освобождения.

Сказанное согласуется и с ранее отмечавшимся Конституционным Судом Российской Федерации развитием международных стандартов, согласно которым осужденные должны получать за свой труд справедливое вознаграждение, а организация и методы работы в пенитенциарных учреждениях должны максимально походить на

организацию и методы аналогичной работы в обществе, чтобы подготовить их к нормальной профессиональной жизни (Определение от 30 ноября 2021 года № 2631-О).

5. Достижение поставленных законодателем в рамках института принудительных работ целей предполагает обеспечение осужденным к этому виду наказания необходимых условий труда и вознаграждения за труд. Отбывающим принудительные работы лицам должны обеспечиваться условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены, и право на отдых, предполагающее ограничение рабочего времени, предоставление ежегодного оплачиваемого отпуска.

Более того, по буквальному смыслу части первой статьи 60^8 УИК Российской Федерации оплата их труда осуществляется в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации. Это, прежде всего, означает, что месячная заработная плата отбывающего принудительные работы лица, полностью отработавшего за этот период норму рабочего времени и выполнившего нормы труда (трудовые обязанности), не может быть ниже МРОТ, установленного федеральным законом (части первая и третья статьи 133 Трудового кодекса Российской Федерации). Кроме того, Трудовым кодексом Российской Федерации предусмотрено, что труд в особых условиях и в условиях, отклоняющихся от нормальных, оплачивается в повышенном размере (статьи 147, 148, 149 и 153).

Проблема включения компенсационных выплат за работу в указанных условиях в размер заработной платы, не превышающий МРОТ, возникла с принятием Федерального закона от 20 апреля 2007 года № 54-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О минимальном размере оплаты труда» и другие законодательные акты Российской Федерации», который изменил статьи 129 и 133 Трудового кодекса Российской Федерации. С тех пор эта проблема не раз попадала в поле зрения Конституционного Суда Российской Федерации применительно к работающим по трудовому договору, и он последовательно признавал соответствующее регулирование не противоречащим Конституции

Российской Федерации, как предполагающее повышенную оплату труда – сверх заработной платы, не превышающей МРОТ, – в случае выполнения работы в особых условиях и в условиях, отклоняющихся от нормальных. В противном случае месячная заработная плата работников, привлеченных к выполнению работы в указанных условиях, не отличалась бы от оплаты труда лиц, работающих в обычных условиях, что вступало бы в противоречие с принципами равенства и справедливости, а также с правом на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации (постановления от 7 декабря 2017 года № 38-П, от 11 апреля 2019 года № 17-П, от 16 декабря 2019 года № 40-П, от 27 июня 2023 года № 35-П и от 23 сентября 2024 года № 40-П; определения от 1 октября 2009 года № 1160-О-О, от 17 декабря 2009 года № 1557-О-О, от 25 февраля 2013 года № 327-О и др.).

Данное конституционно-правовое истолкование норм закона не было, однако, применено в делах Д.П.Жилкина и Д.М.Лузинова, поскольку суды исходили из того, что компенсационные выплаты за работу в особых условиях и в условиях, отклоняющихся от нормальных, могут включаться в заработную плату осужденных к принудительным работам в пределах МРОТ. Подход судов аргументирован тем, что труд осужденных не основан на свободном волеизъявлении, вследствие чего допустим отличный от предусмотренного для лиц, работающих по трудовым договорам, порядок оплаты труда осужденных в указанных условиях.

Дифференцированный подход к вопросу об оплате труда в особых условиях и в условиях, отклоняющихся от нормальных, в зависимости от статуса лица – работник по трудовому договору или осужденный – рассматривается правоприменителями как имеющий под собой объективные основания. Оплата труда, организуемого в процессе исполнения уголовного наказания, не может – исходя из понимания правоприменителями природы института принудительных работ – быть уравнена в данном конкретном аспекте с оплатой труда работника по трудовому договору.

Превалирование означенного подхода в судебной практике может объясняться и тем, что предполагаемое законодателем распространение на трудовую деятельность лиц, осужденных к принудительным работам, трудового законодательства не может происходить без должного учета его целей и задач, как они определены в статье 1 Трудового кодекса Российской Федерации. Будучи ориентированными на поддержание баланса интересов сторон трудовых отношений, нормы трудового законодательства, в том числе в области оплаты труда, по своим целям и задачам рассчитаны – в первую очередь и главным образом – на работающих по трудовому договору, поскольку они реализуют свое право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (статья 37, часть 1, Конституции Российской Федерации; абзац второй статьи 2 данного Кодекса). Применение же этих норм к труду граждан, которые по смыслу данного Кодекса работниками не являются (статьи 15 и 16), но обязаны трудиться вследствие уголовного наказания, должно учитывать описанную выше комплексную природу института принудительных работ в российском праве, его особое уголовно-правовое, уголовно-исполнительное и социально-экономическое назначение.

Сказанное относится и к правилам оплаты труда, предусмотренным трудовым законодательством, включая право на компенсационные выплаты, которые на практике начислялись заявителям по настоящему делу иначе, чем они начислялись бы работающим по трудовому договору гражданам. Законодатель, несомненно, обладает широкой дискрецией для адаптации предусмотренных трудовым законодательством правил оплаты труда к особой ситуации лиц, осужденных к принудительным работам. Более того, статья 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации не исключает возможности установления в отношении таких лиц, наряду с иными ограничениями их прав, соразмерных и не нарушающих достоинства личности изъятий из предусмотренных трудовым законодательством общих правил оплаты труда.

Однако в настоящее время какие-либо ограничения в отношении оплаты труда лиц, осужденных к принудительным работам, – по сравнению с правилами оплаты труда работников по трудовому договору – прямо не вытекают ни из части первой статьи 60^8 УИК Российской Федерации, ни из иных нормативных актов. Напротив, закрепленные в данной статье изъятия из трудового законодательства по их буквальному смыслу носят исчерпывающий характер, что могло бы подразумевать – по умолчанию – применение всех правил оплаты труда работников по трудовому договору к оплате труда лиц, отбывающих наказание в виде принудительных работ. Это предполагало бы и применение к оплате труда таких осужденных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации о невозможности включения в заработную плату, размер которой не превышает МРОТ, всех компенсационных выплат за работу в особых условиях и в условиях, отклоняющихся от нормальных.

Между тем исходя из преобладающей практики, подтвержденной в делах заявителей, суды устойчиво не рассматривают подобное решение как выбор законодателя, обусловленный конституционно значимыми целями и задачами данного вида наказания. В результате закон применяется как гарантирующий лишь оплату труда отбывающих принудительные работы лиц в размере не ниже МРОТ, но не повышенную оплату сверх МРОТ за работу в особых условиях и в условиях, отклоняющихся от нормальных.

Применение к оплате труда осужденных к принудительным работам иных правил, чем те, что применяются к оплате труда, основанного на свободном волеизъявлении, – при отсутствии их ясной и недвусмысленной дифференциации в системе действующего правового регулирования – входит в противоречие со статьей 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, согласно которой права и свободы не могут быть ограничены иначе, как федеральным законом. Сложившаяся ситуация не только затрудняет понимание гражданами своих прав и их законных ограничений, но и препятствует тому, чтобы при возникновении в том потребности

добиваться их защиты и восстановления в судебном и ином порядке в соответствии со статьями 45 (часть 1) и 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации.

6. Выявленный дефицит правового регулирования оплаты труда осужденных к принудительным работам лиц проявляется и в отношении возможности (необходимости) применения к их заработной плате районного коэффициента за работу в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

Так, в статье 60^8 УИК Российской Федерации не содержится никаких оговорок, исключающих применение положений трудового законодательства о повышенной на размер районного коэффициента оплате труда в отношении осужденных к принудительным работам. Это могло бы означать – за неимением на то иных указаний в законе – автоматическое применение к оплате их труда статей 148 и 315 Трудового кодекса Российской Федерации, в силу которых оплата труда в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях производится с учетом районного коэффициента. Но, исходя из статьи 1 Закона Российской Федерации № 4520-I, являющегося специальным нормативным актом по этому вопросу, предусмотренные им районные коэффициенты применяются лишь к заработной плате лиц, работающих по найму и проживающих в указанных районах и местностях.

Такое ограничение действия закона по кругу лиц согласуется и с его направленностью на мотивационное привлечение в указанные районы и местности квалифицированных и трудоспособных работников, которые зачастую переезжают туда в сопровождении семей, инициативно покидая районы с более благоприятным климатом. Отбывающим же наказание в виде принудительных работ лицам – в силу конституционно допустимого ограничения их прав уголовным наказанием – обязанность трудиться вменяется без права выбора профессии, места работы и местности ее осуществления, а решение об отбывании таких работ в районах с неблагоприятным климатом принимается государством независимо от

волеизъявления осужденных. При этом нельзя не учитывать, что районные коэффициенты имеют наряду с мотивационным и компенсационное назначение. Как отмечалось в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 7 декабря 2017 года № 38-П, негативное воздействие, которое оказывает на здоровье человека проживание и осуществление трудовой деятельности в регионах с особыми климатическими условиями, и связанный с этим риск преждевременной утраты трудоспособности обязывают Российскую Федерацию как правовое социальное государство принимать меры, призванные компенсировать связанные с этим дополнительные материальные и физиологические затраты.

Во всяком случае, отсутствие в законодательстве четкого указания на применимость или же неприменимость районных коэффициентов к заработной плате осужденных, отбывающих принудительные работы, ведет к неоднозначному решению данного вопроса на практике. Зачастую уполномоченные органы и суды, рассматривая таких осужденных не как лиц, работающих по найму, отказывают им в применении районного коэффициента (определения Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 21 февраля 2022 года № 88-3/2022, Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22 августа 2024 года № 88-16730/2024 и от 15 августа 2024 года № 88-16571/2024, Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 11 ноября 2021 года № 88-8113/2021 и др.). Наряду с этим, однако, встречаются случаи, когда между осужденными к принудительным работам и организациями, в которых они привлекаются к труду, оформляются трудовые договоры, что позволяет судам рассматривать их как наемных работников (определения Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 16 июня 2025 года № 88-11510/2025, от 30 июля 2025 года № 88а-13119/2025 и др.). В результате устраняется и юридическое препятствие к тому, чтобы применять к их заработной плате районный коэффициент.

Более того, согласно предоставленным Конституционному Суду Российской Федерации материалам, указанные расхождения в подходах не

только многочисленны, но и зависят от того, в каком регионе происходит привлечение осужденного к труду. По информации Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, в одних регионах трудовые договоры заключаются непосредственно с осужденными к принудительным работам, в результате чего им начисляются все положенные надбавки к заработной плате; в других же регионах трудовые договоры с ними не заключаются и надбавки, как следствие, не выплачиваются.

Отмеченные различия в оплате труда осужденных к принудительным работам сами по себе не свидетельствуют об ошибках судов и иных правоприменительных органов, поскольку они – за неимением четкого указания в законе о применении к заработной плате лиц, отбывающих принудительные работы, районного коэффициента – рассматривают наличие трудового договора как условие для применения предусмотренных Законом Российской Федерации № 4520-I гарантий повышенной оплаты труда. Практика заключения трудовых договоров с указанными лицами, как и вытекающие из этого гарантии повышенной оплаты труда, может представляться правоприменителям и хозяйствующим субъектам экономически обоснованной в одних обстоятельствах, но неприемлемой – в других, в зависимости от квалификации привлекаемых к труду лиц, рода и результатов их деятельности, назначения и организационных форм производственных объектов, на которых они трудятся, и т.п.

Однако, несмотря на основания, которые может иметь под собой подобная дифференциация в оплате труда осужденных к принудительным работам на практике, порядок применения к их заработной плате районного коэффициента или ограничение такого права должны быть ясно и недвусмысленно предусмотрены нормативным регулированием в рамках согласованного правового режима принудительных работ, все ключевые параметры которого должны быть определены федеральным законом. Введение же различий в правилах оплаты труда указанных лиц за пределами законодательного регулирования, а тем более их произвольная

градация по региональному или иному признаку входят в противоречие не только со статьей 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, но и с принципами равенства и справедливости, а также с правом на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации (преамбула; статья 19, части 1 и 2; статья 37, часть 3, Конституции Российской Федерации).

7. Как неоднократно подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, неоднозначность и противоречивость правового регулирования препятствуют уяснению его содержания, допускают неограниченное усмотрение в процессе правоприменения, ведут к произволу и тем самым ослабляют гарантии защиты конституционных прав и свобод. Подобные препятствия для реализации конституционных прав и свобод могут возникнуть и при наличии в законодательном регулировании пробела, устранение которого приобретает конституционное значение и требует адекватных мер правового реагирования (постановления от 13 мая 2021 года № 18-П, от 15 марта 2023 года № 8-П, от 3 марта 2026 года № 11-П и др.).

Именно такой конституционно значимый пробел усматривается Конституционным Судом Российской Федерации в оспариваемом правовом регулировании в той мере, в какой оно – в его совокупности, включающей как нормативный, так и правоприменительный аспекты, – препятствует однозначному и согласованному определению условий оплаты труда осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ, в отношении включения выплат за работу в особых условиях и в условиях, отклоняющихся от нормальных, в размер их заработной платы, не превышающий МРОТ, а также в отношении применения к их заработной плате районных коэффициентов за работу в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Несмотря на то что выявленный пробел вызван действием норм разной отраслевой принадлежности, в решающей степени он связан с частью первой статьи 60^8 УИК Российской Федерации, поскольку именно она имеет целью установление основ

правового режима труда осужденных к принудительным работам, включая условия применения в этой области норм трудового законодательства.

Признание названного положения во взаимосвязи с нормами Трудового кодекса Российской Федерации неконституционным потребует внесения в действующее правовое регулирование необходимых изменений. Развивая в рамках своей дискреции политику государства в области уголовного правосудия и исполнения наказаний, федеральный законодатель должен дополнить регулирование оплаты труда осужденных к принудительным работам с соблюдением принципов равенства и справедливости, а также с учетом комплексной правовой природы данного уголовного наказания и его социально-экономического назначения в контексте государственной политики по гуманизации уголовной юстиции в целом. Предстоящие законодательные меры предполагают стимулирование осужденных к ресоциализации и безупречному соблюдению ими требований, предъявляемых к ним при отбывании наказания в виде принудительных работ, не исключая разумной и обоснованной дифференциации правил оплаты их труда и труда, основанного на свободном волеизъявлении граждан вне рамок уголовного преследования.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47^{1}, 68, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать часть первую статьи 60^{8} УИК Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 37 (часть 3), 45 (часть 1), 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой эта норма – во взаимосвязи с частями первой и третьей статьи 133, частями первой и второй статьи 147, статьей 149, частью первой статьи 153 и статьей 315 Трудового кодекса Российской Федерации, а также статьей 1 Закона Российской Федерации «О государственных гарантиях и

компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» – порождает пробел в правовом регулировании, препятствующий однозначному и согласованному определению условий оплаты труда осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ, в отношении включения компенсационных выплат за работу в особых условиях и в условиях, отклоняющихся от нормальных, в размер их заработной платы, не превышающий минимального размера оплаты труда, а также в отношении применения к их заработной плате районных коэффициентов за работу в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

2. Федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения.

3. Судебные решения, вынесенные по делам, в связи с которыми граждане Жилкин Дмитрий Павлович и Лузинов Денис Маркович обратились с жалобами в Конституционный Суд Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке на основании изменений, которые будут внесены в законодательство во исполнение пункта 2 резолютивной части настоящего Постановления.

4. Прекратить производство по настоящему делу в части проверки конституционности части второй статьи 133, части третьей статьи 147 и частей второй – седьмой статьи 153 Трудового кодекса Российской Федерации.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (*www.pravo.gov.ru*).

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 67-П